

из Киева «с купцы и вельможами с великими», но ни у кого нет отражения лица кого-либо из окружавших автора людей, хотя бы из великих вельмож.

Даже когда образ человека бросался в глаза, он изображается крайне скупыми словами. Игумен Даниил видел столпника: «муж дивен и страшен видом и стар деньми», — сказал он про него и ничем больше не отметил эту необыкновенную фигуру. Возле Тивериадского озера Даниилу удалось встретить старого книжного человека, который сопровождал Даниилу по Галилее и рассказал ему все, что связано в ней со священным писанием. По-видимому, это не был грек — обычное церковное лицо в тех местах, но Даниил не называет национальности своего путеводителя. Однако можно предполагать, что старик, о котором Даниил выразился, что «угоди бог налезти» такого спутника, так потрудившийся для русского паломника, был сам русский или по крайней мере славянин с Балканского полуострова.

Если даже для такого человека, которому он был много обязан, у Даниила нашлось немного слов, то, упоминая нивы многоплодные, поля «травные вельми», паломник ни разу не обмолвился о том, кто и какими орудиями обрабатывает эти нивы, богатые урожаями, кто и какой скот пасет на этих тучных полях и в какой торговый оборот, куда и с кем поступают смоквы, чересие, рожжи и масличие, о которых Даниил повествует не то с удивлением, не то с восторгом. Между тем как игумен, т. е. хозяин монастыря, поскольку монастыри были производственно-земледельческими организациями, Даниил не мог не интересоваться этими вопросами.

Однако в письменности мысль была скована условными рамками церковного мировоззрения и литературные формы подчинялись определенным штампам.

Наконец, при оценке «хождений» как литературного жанра следует принять во внимание их частью официозное происхождение, сужавшее круг интересов авторов. Некоторые «хождения» принадлежат авторству лиц, бывших участниками официально организованных путешествий на Восток, а также исполнителями поручений, данных им церковной или светской властью.

Утверждение, что игумен Даниил путешествовал в Палестину не по своему почину, а имел какое-то дипломатическое поручение к иерусалимскому королю Балдуину Фландрскому, в настоящее время находит признание в общих обзорах древнерусской литературы, и на этом я не буду останавливаться.³⁶

Игнатий Смольнянин, путешествовавший в Константинополь в 1389 г., состоял в свите митрополита Пимена, который был посвящен на митрополичью кафедру в 1379 г. константинопольским патриархом в Софийском храме, но достиг этого против желания великого князя Дмитрия Ивановича происками митрополичьих бояр, подлогом великокняжеской хартии и подкупом греческого духовенства. Это вызвало недовольство князя Дмитрия против Пимена, который для того и предпринял поездку в Константинополь, чтобы укрепить свое значение в глазах великого князя посредством авторитета константинопольского патриарха. Пимену было важно иметь письменный след своего путешествия, отражавший его трудности и значение, освященное патриархом. Поэтому он приказал своим спутникам, чтобы каждый, как сумеет, описывал, что будет происходить в пути и в Константинополе. Вероятно, вел записки не один Игнатий,

³⁶ История русской литературы, т. I Изд. АН СССР, М—Л, 1958, стр. 85
Н. В. Водовозов История древней русской литературы Учебное пособие для пед-институтов Гос. учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, М., 1958, стр. 57